

личных ЛСВ, каждый из которых имеет свою зону тяготения (на белорусский, польский, литовский, русский и другие языки, а также отдельные диалектные центры). Среди заимствований наиболее рельефно выделяются полонизмы и литуанизмы (для белорусского языка), литуанизмы и белорусизмы (для польского языка). Хронологически такие заимствования подразделяются на несколько разрядов: реликтовые формы, обусловленные существованием в регионе элементов этнического и лингвистического субстрата; б) относительно поздние заимствования, которые в большинстве случаев фиксируются в зоне этнолингвистических контактов.

Специфика смысловых структур полисемантов во многом зависит от статуса слова по отношению к другим языкам (слово заимствованное или незаимствованное), а также фиксации /нефиксации в таких структурах иноязычных ЛСВ. В зависимости от соотношенности заимствований с первоисточником их можно распределить по нескольким группам: а) с эквивалентной (тождественной) соотношенностью ЛСВ; б) с отношениями несовпадения (в таких случаях ЛСВ первоисточника утрачиваются, забываются, и в смысловых структурах фиксируются новые, ранее не известные иноязычному слову ЛСВ); в) с отношениями пересечения (в таких случаях смысловые структуры полисемантов полностью не совпадают, ибо осваивается не весь комплекс ЛСВ, а только его часть, на основе которой возникают локально ограниченные ЛСВ); г) с отношениями включения (в таких случаях исконное слово и его иноязычный эквивалент расходятся в количестве ЛСВ, а сравниваемые смысловые структуры выражают гипонимические отношения по типу общее / частное, род / вид).

Трофимович Т.Г.

(Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка)

СТАРОБЕЛОРУССКИЙ ДЕЛОВОЙ ЯЗЫК В РУССКО-БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОМ ЛИНГВОИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В историческом языкознании термином *деловой язык* или *язык деловой письменности* называется язык письменных памятников, обслуживавших в разное время сферу юридических отношений того или иного государства. Потребности правового регулирования социально-экономических отношений, равно как и потребности их письменной фиксации, обусловили создание особой разновидности текстов, которые в истории различных языков заняли свое место.

Термином *старобелорусский* в русской и белорусской лингвистической традиции называют язык, функционировавший в эпоху Великого

княжества Литовского, в XV – XVII вв., генетически родственный восточнославянским языкам и имевший в качестве своего источника язык древнерусский. Называние этого языка старобелорусским нередко вызывает возражения, мало связанные с языковедческими наблюдениями и выводами. В течение почти двухсотлетней истории изучения письменного наследия ВКЛ упомянутый язык, кроме *старобелорусского*, назывался еще *белорусским* (Сопиков В.С.), *литовско-русским* (Кеппен И.П.), *руським* (Греч Н.И.), *польско-русским* (Востоков А.Х.), *западнорусским* (Коялович М.), *древне-западно-польским*, *юго-западно-русским*, *южно-русским*, *юго-западнорусским позднего средневековья* (Виноградов В.В.), он имел еще несколько названий, не получивших широкого распространения. Их полный свод в хронологическом порядке содержит работа В.Мякишева «Мова» Великого княжества Литовского в единстве своих противоположностей» (Studio Russica XVIII; Budapest, 2000).

Следует согласиться с автором этой работы в том, что, чем бы ни руководствовались, называя язык, упомянутые исследователи – мотивами этнографического, географического, политического или лингвистического характера, – их всех объединяет стремление указать на *особый характер* этого языка и не согласиться в том, что все многочисленные определения «не выдерживают конкуренции с родившимися в недрах этого языка самоназваниями «мова русская» и «простая».

Термин *старобелорусский* (соответственно *старорусский*) прочно вошел в традиции русского и белорусского исторического языкознания со второй половины XX в. Его использовали и используют такие известные историки белорусского языка, как Л.М.Шакур, А.И.Журавский, А.Н.Булыко, Н.Г. Пригодич, Е.И. Янович и др. Статью «Старабеларуская літаратурная мова» находим в энциклопедии «Беларуская мова» (Минск, 1994) [1: 531-533]. Общепризнанный характер термина подтверждают и факты их попадания в вузовские учебники [8; 9]. Можно предположить, что термин возник по аналогии с термином *старорусский*, называвшим русский язык соответствующего периода (XV – XVII вв.) и пришедшим на смену классическому термину *великорусский*. Термин *старорусский* в настоящее время активно используется и не оспаривается [4; 11].

Свое название язык должен получать в зависимости от того, черты языка какого этноса он фиксирует. В белорусистике последних десятилетий время возникновения самостоятельных восточнославянских народностей и их языков отодвигается к XIII в. «В XIII в. типичные белорусские языковые черты – явление уже обычное в полоцких и смоленских грамотах» [1; 532]. Следовательно, если удастся доказывать, что многочисленные кириллические памятники письменности, созданные в эпоху ВКЛ, продолжают фиксировать в еще большем объеме «типичные белорусские языковые черты», их язык с уверенностью можно называть старобелорусским.

К настоящему времени существует довольно большое количество исследований, посвященных языку памятников старобелорусской деловой письменности. Все они, начиная с работ Е.Ф.Карского, доказывают наличие в этом языке белорусских черт, белорусской диалектной основы. Причем эти черты распространяются на все языковые уровни [3; 6; 7].

Исследователями отмечено, что «специфические белорусские черты проникали прежде всего в памятники канцелярско-юридического содержания» [1; 532]. Признавая это, современные издатели Статута Великого Княжества Литовского 1529 года предлагают называть язык, на котором он написан, старобелорусским. Во вступительных материалах к тексту статута в главе «Язык Статута» авторы анализируют предлагавшиеся и предлагаемые названия и приходят к выводу: «Таким образом, остается наиболее приемлемым, хотя и в известной мере тоже условным, название этого языка – *старобелорусский*, по крайней мере, оно оправдано этнологически...» [5; 65].

Как уже отмечалось, самой широкой областью использования старобелорусского языка стала деловая письменность [4; 240]. Именно в памятниках деловой письменности, тесно связанных с живой народной речью, происходил отбор наиболее жизнеспособных элементов белорусского языка. Место и роль старобелорусского языка в истории белорусского литературного языка исключительно велика.

«Терминологические» поиски, охватившие более чем вековой промежуток времени, действительно подчеркивают особый характер старобелорусского языка, состоящий, как нам представляется, и в необходимости рассматривать его в широком белорусско-русско-польском лингвоисторическом контексте, так сказать, «паміж Польшчай і Расіяй».

Старобелорусский язык вообще сложился, если следовать традиционным представлениям о восточнославянском лингвогенезе, в результате распада древнерусского (общевосточнославянского) языка. Это означает, что древнерусская основа будет выявляться на всех языковых уровнях. Как показывают проведенные нами исследования по исторической фразеологии, древнерусская по происхождению фразеология продолжает в небольшом объеме функционировать в старобелорусский период, при этом исключительно заметна роль новообразований. Анализ зафиксированных единиц с компонентом *взяти* приводит к выводу о том, что, в старорусском языке, по данным СОРЯ, продолжают функционировать древнерусские по происхождению фразеологизмы *взять в заем*, *взять под заклад*, *взять поруку*, *взять за себя*, *взять на щит*, *взять в ум* и др. К новообразованиям следует отнести такие старорусские единицы, как *взяти на очи* (*пригласить на прием*), *взяти дань и судъ* (*получить право сбора дани и судебных пошлин*), *взяти сказку* (*снять допрос*), *взяти на государя*, *взяти в свое имя*, *взяти приступом*, *взятъ взятъем*, *взяти кражею*, *взяти грабежемъ*, *взяти миръ*, *взяти въ разумъ*, *взяти въ мысль*.

ГСБМ фиксирует порядка двух десятков устойчивых словосочетаний, характеризующихся исключительной спецификой. Практически полностью это старобелорусские новообразования: *брати во уши, брати до усть, брати въ обычай, брати въ наметь, брати предъ очи, брати гору, брати поле, брати на рукоемство, брати на рукоймы, брати прикладъ, брати причину, брати смелость, брати рахунокъ*. Такую же высокую фразеологическую активность проявлял в старобелорусском языке и глагол *взяти*, ГСБМ фиксирует 13 фразем. Для старобелорусского языка удалось установить корпус единиц, составляющих древнерусскую основу: *взяти къ рукамъ – брати къ рукамъ, брати подъ своя руки, взяти/брати на себе/на ся, брати/взяти рядъ/раду, брати/взяти въ розумъ/на умъ*. Незначительные вариации компонентов в данном случае не играют решительной роли.

Проведенные наблюдения позволили сделать важный вывод о том, что старобелорусский язык, в частности, в сфере правовой фразеологии сохранял древнерусскую основу, однако сформировал и продолжал развивать систему специфических, национальных средств фразеологической номинации.

Возвращаясь к терминологической проблеме, отметим: белорусская лингвистика вполне комфортно чувствует себя, культивируя термин *старобелорусский язык*. Однако наличие в современном языкознании проблемы всеобщего признания такого термина должно, на наш взгляд, подвигнуть исследователей этого самого старобелорусского языка к созданию фундаментального труда, системно доказывающего связь восточнославянского по происхождению языка эпохи ВКЛ с белорусской диалектной основой, труда, проливающего свет на становление и развитие в нем специфических белорусских языковых норм, формирование его особой стилистической разновидности.

Старобелорусский деловой язык (как и старобелорусский язык вообще) не может быть подвергнут объективному рассмотрению без последовательного обращения к истории польского языка. Известно, что первые письменные памятники польского языка (Свентакшыские сказания, Флорианская псалтырь и др.) относятся к XIV веку. Факт достаточно позднего письменного оформления не препятствовал тому, что польский язык сыграл заметную роль в истории старобелорусского (белорусского) языка. Именно он стал посредником для проникновения многочисленных латинизмов и грецизмов в старобелорусский язык. Так, например порядка 70% древних заимствований белорусского языка проникли в него через польский [Булыка: 1972]. После Кревской унии 1385 года, когда усилился политический и военный союз между ВКЛ и Польшей, особенно после Люблинской унии 1569 собственно польские языковые черты проникают во все жанрово-стилистические разновидности старобелорусского языка.

К настоящему времени польское языковое влияние на старобелорусский (белорусский) язык исследовано достаточно хорошо благодаря усилиям таких ученых как А.Н.Булыко, А.И.Журавский, Н.К.Пометько, Е.С.Дедова, В.Э. Зиманский, Э.В.Ярмоленко, Н.В.Полещук и многие др.

Это однако не означает, что сделано все. Так, к примеру, нуждаются во внимании исследователей процессы стилистической дифференциации старобелорусского языка и роль польского компонента в этих процессах. Введение в широкий научный оборот новых памятников письменности тоже предоставляет исследователям поле деятельности.

Исторически сложилось так, что старобелорусский язык оказался прочными узами связанным не только со своим источником – древнерусским языком, со своим восточнославянским собратом – старорусским языком, но и с западнославянским родственником – польским языком. По этой причине изучение старобелорусского языка во всем многообразии его проявлений и устойчивых реализациях возможно только в белорусско-русско-польском лингвоисторическом контексте.

Литература

1. Беларуская мова. Энцыклапедыя / Пад рэд. А. Я. Міхневіча. – Мінск, 1994.
2. Булыка, А. М. Даўнія запазычанні беларускай мовы / А. М. Булыка. – Мінск, 1972.
3. Журавский, А. И. Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка / А. И. Журавский // Восточнославянское и общее языкознание. – М., 1978. – С. 180-193.
4. Жураўскі, А. І. Гістарычная лексікалогія беларускай мовы / А. І. Жураўскі. – Мінск, 1976.
5. Колесов, В. В. История русского языка / В. В. Колесов. – М., 2005.
6. Лазутка С. Первый Литовский статут (1529) / С. Лазутка, И Валиконине, Э. Гудавичюс. – Вильнюс, 2004.
7. Паляшчук, Н. В. Мова “Трыбунала” (1586) : автореф. дис. канд. филол. н. – Мінск., 1999.
8. Плотнікаў, Б. А. Кароткая гісторыя беларускай мовы і мовазнаўства / Б. А. Плотнікаў. – Мінск, 2002.
9. Янович Е. И. Историческая грамматика русского языка / Е. И. Янович. – Минск, 1986.

Холодова Н. В.

(Слов'янський державний педагогічний університет)

Т. С. ШАРАДЗЕНІДЗЕ ПРО МОРФОЛОГІЧНУ КЛАСИФІКАЦІЮ МОВ

Сучасні структурно-типологічні дослідження мов значною мірою спираються на здобутки вчених попередніх поколінь. Значний науковий внесок у розробку теоретичних питань дослідження морфологічної класифікації мов зробила Тинатін Семенівна Шарадзенідзе. Саме вона однією з перших системно проаналізувала принципи генеалогічної, морфологічної, стадіальної, психологістичної, концептуальної класифікацій мов та класифікацій за мовними колами. Незважаючи на багатоаспектність поставлених вченою завдань, Т. С. Шарадзенідзе вдало-